
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.02.01

ДМИТРИЕВ А.П.¹ ЛЕКЦИИ-БЕСЕДЫ С.П. ШЕВЫРЁВА В РУССКИХ КОЛОНИЯХ ФЛОРЕНЦИИ И ПАРИЖА О ПИСАТЕЛЯХ-СОВРЕМЕННОКАХ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация. В статье на основе неопубликованных эпистолярных и творческих материалов Шевырёва из архивохранилищ ИРЛИ и РНБ уточняются обстоятельства его работы над книгой «История русской словесности» на итальянском языке, изданной во Флоренции в 1862 г. (в частности, доказывається, что эта книга была в целом написана летом 1859 г., а позднее лишь немного дополнялась). Установлено, что Шевырёв прочел 15 лекций с февраля по апрель 1861 г. во Флоренции и 18 – с марта по май 1862 г. в Париже. Сопоставляются черновой конспект лекций и их печатный вариант, рассматриваются отзывы Шевырёва о Тургеневе, Гончарове, Фете, Островском, С. и И. Аксаковых, графе Л. Толстом, Салтыкове-Щедрине и др. Изучение писем Шевырёва к князю П.А. Вяземскому, М.Н. Лонгинову, П.А. Плетневу и старшему сыну Б.С. Шевырёву дает возможность выяснить целеполагание писателя, узнать об организации лекций, об их великосветских слушательницах, о контактах писателя с итальянскими интеллек-

¹ **Дмитриев Андрей Петрович** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН; ORCID: 0000-0002-8460-4578; apdspb@gmail.com

туалами Никколо Томмазео и Франческо Даль'Онгаро, Н.А. Добролюбовым, польским историком Леонардом Ходзько.

Ключевые слова: С.П. Шевырёв; литературная критика; ораторское мастерство; просветительские цели; славянофильская идеология; архивные источники.

Для цитирования: Дмитриев А.П. Лекции-беседы С.П. Шевырёва в русских колониях Флоренции и Парижа о писателях-современниках (по архивным материалам) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 2. – С. 9–28. – DOI: 10.31249/lit/2025.02.01

Поступила: 29.01.2025

Принята к печати: 10.02.2025

DMITRIEV A.P.¹ Lectures-conversations by S.P. Shevyrev in the Russian colonies of Florence and Paris about contemporary writers (based on archival materials)

Abstract. The article, based on Shevyrev's unpublished epistolary and creative materials from the archives of the Institute of Russian Literature and the Russian National Library, clarifies the circumstances of Shevyrev's work on the book *History of Russian Literature* in Italian, published in Florence in 1862 (in particular, it is proven that this book was completed in the summer of 1859, and was only slightly supplemented later). It has been established that Shevyrev gave 15 lectures from February to April 1861 in Florence and 18 from March to May 1862 in Paris. The draft lecture notes and their printed version are compared, Shevyrev's reviews of Turgenev, Goncharov, Fet, Ostrovsky, Sergey and Ivan Aksakov, Count Leo Tolstoy, Saltykov-Shchedrin and others are considered. Study of Shevyrev's letters to Prince Peter A. Vyazemsky, Michael N. Longinov, Peter A. Pletnev and eldest son Boris S. Shevyrev gives the opportunity to find out the writer's goal setting, learn about the organization of lectures, about their high-society listeners, about the writer's contacts with Italian intellectuals Niccolò Tommaseo and Francesco Dal'Ongaro, Nikolay A. Dobrolyubov, and the Polish historian Leonard Chodźko.

Keywords: S.P. Shevyrev; literary criticism; oratory; educational goals; Slavophile ideology; archival sources.

¹ **Dmitriev Andrey Petrovich** – Doctor in Philology, Leading Researcher at the Department of Literary Studies of the Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS; ORCID: 0000-0002-8460-4578; apdspb@gmail.com

To cite this article: Dmitriev, Andrey P. “Lectures-conversations by S.P. Shevyrev in the Russian colonies of Florence and Paris about contemporary writers (based on archival materials)”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2025, p. 9–28. DOI: 10.31249/lit/2025.02.01 (In Russian)

Received: 29.01.2025

Accepted: 10.02.2025

Профессор Московского университета Степан Петрович Шевырёв (1806–1864), поэт, историк литературы и искусства и общественный деятель, близкий к славянофилам, по праву считается основоположником отечественного литературоведения, прежде всего – первооткрывателем древнерусской литературы как научной дисциплины¹. Он, как известно, не ограничивался кабинетно-архивной деятельностью исследователя, а занимал видное место в современном ему литературном процессе: редактировал ряд толстых журналов, был активным литературным критиком, выступал с просветительскими публичными лекциями, имевшими в свое время немалый успех².

В самое последнее время Шевырёвведению был придан мощный импульс благодаря вышедшему в свет в 2022 г. основательному тому Шевырёва в книжной серии «Новая Библиотека поэта», охватывающему за малым исключением всё его поэтическое наследие (издание подготовлено пушкинистом С.В. Березкиной: [Шевырёв, 2022]), и близкому к завершению «Полному собранию литературно-критических трудов» Шевырёва в 7 томах под общей редакцией А.Н. Николюкина: в 2019–2024 гг. при Институте научной информации по общественным наукам РАН было издано 6 томов в 10 книгах [Шевырёв, 2019–2024]. К январю 2025 г. подготовлены к передаче в издательство последний 7-й том в двух книгах³, а также дополнительный 8-й, включивший 86 произведений за 1828–1854 гг., которые были выявлены в ходе работы

¹ Наиболее значимые исследования деятельности Шевырева-филолога: [Песков, 1994; Петров, 1999; Маркович, 2004; Ратников, 2008; Коровин, 2024].

² Об этом см., например: [Алексеева, 2006; Ратников, 2003–2007; Цветкова, 2008; Мартынов, 2011; Ратников, 2024].

³ Уже после кончины А.Н. Николюкина подготовку текстов и комментариев осуществили сотрудники ИНИОН: А.П. Дмитриев, К.А. Жулькова, А.Е. Калкаева и В.А. Финогенов, при деятельном участии М.А. Бирюковой и К.В. Ратникова.

над последними томами издания и впервые атрибутированы Шевырёву¹.

Во 2-й книге 7-го тома, в частности, увидят свет лекции писателя (сам он предпочитал называть их «беседами»²), с которыми он выступал перед публикой, пожелавшей послушать известного московского профессора. Курсы лекций-бесед были прочитаны Шевырёвым с 16 (4) февраля по 6 апреля (25 марта) 1861 г. во Флоренции (15 лекций) и с 14 (2) марта по 9 мая (27 апреля) 1862 г. В Париже (18 лекций)³ – по русской словесности от Нестора Летописца до Тургенева и Гончарова. Эти чтения, имея немало важное просветительское значение, становились и общественным событием.

Подобными же событиями, только покрупнее масштабом, стали в свое время публичные лекции, прочитанные Шевырёвым в Москве в 1844–1845 гг. по древнерусской литературе и в 1851 г. по итальянскому искусству Возрождения. Как известно, первый из названных лекционных курсов послужил окончательному идейному размежеванию славянофилов и западников⁴. Эти лекции, доработанные по материалам университетских курсов, вышли из печати в 1846–1860 гг. в 4 частях под названием «История русской словесности» [Шевырёв, 1846–1860]. Последняя (20-я) опубликованная лекция посвящена Нилу Сорскому, жившему в конце XV – начале XVI в. Шевырёв намерен был довести подробное изложение курса до современности – до Тургенева и Льва Толстого, чему свидетельство – предпоследняя глава подготовленной Шевырёвым на итальянском языке «Истории русской словесности» [Shevurev, Rubini, 1862, p. 258–279; Коровин, 2024, с. 14–15].

В январе 1857 г. в жизни писателя разразилась катастрофа. В кулуарах заседания совета Московского художественного общества он повздорил с подвыпившим графом В.А. Бобринским, кузе-

¹ Основная заслуга в этом весомом дополнении к шевыревиане принадлежит К.В. Ратникову.

² Так, Шевырев писал сыну Борису 16 (4) февраля из Флоренции: «В день начала моих лекций, или, правильнее, бесед, об истории Русской Словесности, после первой, весьма успешно совершившейся, спешу написать к тебе» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 231).

³ Точные даты начала и окончания курсов и количество лекций-бесед в каждом из них установлены впервые – по письмам Шевырева к сыну Борису.

⁴ См. подробно: Дмитриев А.П. Комментарии к: [Шевырев, 2019–2024, т. 4, кн. 1, с. 533–538].

ном Николая I. Тот резко высказывался о «русских порядках и неустройствах», чем вызвал негодование Шевырёва. В перепалке они обменялись оскорблениями, Бобринский избил оппонента (см.: [Тургенев, 1987, т. 3, с. 196–197, 531–532]). В итоге оба подверглись наказанию, и особенно пострадал Шевырёв – он должен был подать прошение об отставке из университета и оказался в общественной изоляции: журналы почти перестали его печатать, ему не удалось никуда устроиться на службу. Нехватка средств побудила в ускоренном порядке издать 3-ю и 4-ю части «Истории русской словесности» и переиздать дополненные и поправленные первые две.

В сентябре 1860 г. Шевырёв с женой Софьей Борисовной (урожд. Зеленская; 1809–1871) и двумя младшими детьми Катей и Петрушей покинул Москву (как оказалось, навсегда) и на перекладных отправился в Италию. Ее Шевырёв любил беззаветно всю свою жизнь: исследовательница из Венеции Эмилия Маньянини пишет о «длительной истории любви Шевырёва к Италии» [Маньянини, 2009, с. 363], сам же Шевырёв весной 1862 г. В письме к М.Н. Лонгинову словно бы подтверждал: «Да, Италия – моя вторая мать после России...» (ИРЛИ. Сигн. 23 307. Л. 11). Во Флоренции Шевырёв надеялся продолжить работу над «Историей русской словесности» (существенную часть его багажа составили 37 ящиков и сундуков с книгами и рукописями, см. их краткую опись: РНБ. Ф. 850. № 39. Л. 224–224 об.)¹.

Свою дорогу до Италии, продолжавшуюся два месяца, он описал в интереснейшем очерке «Путевые впечатления из Москвы до Флоренции», который был опубликован посмертно в журнале «Русский архив» [Шевырёв, 1878]. Однако редактор этого издания П.И. Бартенев своевольно исключил более половины текста. Рукопись сохранилась в петербургском архиве (РНБ. Ф. 850. № 21. 64 л.) и впервые подготовлена к публикации в 7-м томе.

О двух последних публичных лекционных курсах Шевырёва по русской словесности, прочитанных им во Флоренции и Париже, в самое последнее время появилось несколько содержательных статей в научных журналах и разделов или упоминаний в монографиях о Шевырёве, однако почти все эти публикации не избежа-

¹ Архив и библиотека писателя были отправлены в Италию отдельно, на пароходе. 31 (19) декабря 1861 г. Шевырев сообщал князю Вяземскому: «Библиотека Русской Словесности переехала море – и у меня под руками» (ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 6. № 49. Л. 2).

ли неточностей и ошибок, поскольку опирались чаще всего на один источник – имевший характер некролога мемуарный очерк Погодина о Шевырёве [Погодин, 1869], автор которого не знал многих деталей, да и об этих лекциях писал вскользь.

В Шевырёвских же материалах, хранящихся в Санкт-Петербурге (в Российской национальной библиотеке и Пушкинском Доме), отложились письма писателя к князю Вяземскому, Плетневу, Лонгинову, которые практически не учитывались исследователями, а главное – малоизвестный эпистолярный комплекс, состоящий из 222 писем на 533 листах, адресованных в последние шесть лет жизни Шевырёва им и членами его семьи старшему сыну Борису Степановичу (1836–1888), молодому офицеру (в дальнейшем он дослужился до чина полковника). Это уникальная автобиографическая хроника жизни и творчества Шевырёва.

Письма содержат важные сведения о целеполагании Шевырёва в связи с подготовкой лекционных курсов 1861–1862 гг. Выделим три основных аспекта.

Во-первых, Шевырёв ставил перед собой культурно-политическую задачу – познакомить Западный мир с вершинными творениями русской словесности, продемонстрировав лучшие плоды отечественной цивилизации, вполне сопоставимые, по его убеждению, с созданиями первейших западноевропейских писателей. Свои лекционные курсы в Европе он рассматривал как прямое продолжение сделанного им на родине: он сначала открыл русским глаза на их литературное наследие, а теперь знакомит с ним итальянцев и французов (в дальних планах были англичане, немцы и другие европейцы). Об этом Шевырёв прямо писал М.Н. Лонгинову из Парижа в недатированном письме (по-видимому, от марта-апреля 1862 г.): «Мой курс идет хорошо. Я встретил сочувствие и одушевлен к делу. <...> Я начал с своих соотечичей <так!>, а кончу французами» (ИРЛИ. Сигн. 23 307. Л. 11 об., 12).

Политический аспект был связан с Крымской войной и последующими событиями, когда в европейском информационном поле мало-помалу распространялось принижение и порой даже поношение русской культуры. Еще за год с небольшим до Польского восстания, 12 ноября (31 октября) 1861 г., Шевырёв писал из Флоренции сыну в Петербург: «Поляки хотели оттереть нас в Азию и называют нас в своих статьях монголизированным славянским миром, а себя ставят во главе европейского славянского мира. Впору было бы доказать им противное. Мой курс мог бы этому содействовать» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 307 об.).

Причем Шевырёв как человек «русской идеи» не ограничивал себя узкоэстетической сферой. Последними прижизненными его публикациями зимой 1864 г. стали три полемические статьи на французском языке. 7 января 1864 г. (26 декабря 1863 г.) он сообщал сыну из Парижа: «Я вступил в прение с сенаторами Франции в “Le Nord”. Напечатаны две мои статьи против нелепостей, которые они в речах своих говорили об России. Сегодня или завтра появится третья. Постарайся найти их в Питере и прочесть» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 502 об.). В этих статьях он писал о русской общине, стремясь показать преимущества государственного и хозяйственного устройства России.

Во-вторых, доказывая, что русская словесность давно встроена во всемирную литературу, Шевырёв акцентировал внимание слушателей на таком явлении, как влияние западноевропейских писателей на русских. 1 января 1863 г. (20 декабря 1862 г.) он общал П.А. Плетневу из Парижа: «Мне хочется, или, правильнее, хотелось бы, пока я за границею, познакомить Западную Европу с нашею литературою. Я исполнил это относительно Италии. Желал бы сделать то же и для Франции, и для Англии, и для Германии. Но для каждой из этих стран надобно писать особо, потому что каждая из них имела особенное влияние на нашу словесность. Пища для итальянцев, я имел в виду влияние Италии на нас. Пища для французов, я еще более имел материалов для того, чтобы указать на связь между русским и французским словом. Международная словесность теперь должна быть в ходу, потому что соответствует идее века» (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 718. Л. 86–86 об.). Фактически Шевырёв был первым нашим литературоведом-компаративистом. Например, анализируя для итальянцев поэму Пушкина «Руслан и Людмила», он проводит показательные параллели между многими персонажами и сюжетными коллизиями этого произведения и поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 210–212]. Поэзию Бенедиктова сопоставляет с творчеством итальянских маньеристов, называя его русским Джамбаттистой Марино [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 262], и т.д.

В-третьих, сверхзадача, которую ставил перед собой Шевырёв, заключается в указании на желательное обратное влияние русской литературы на европейскую – его лекции не чужды идеи мессианизма. По убеждению Шевырёва, вполне укладывавшемся в систему славянофильского мировоззрения, западная культура в современном ее состоянии утратила свое прежнее обаяние, поскольку во многом растеряла прежние религиозно-нравственные

ориентиры. Поэтому влияние русской культуры, опирающейся на традиционные ценности, может быть спасительно и благотворно.

Выше упоминалось о невольных ошибках, которые допускаются в работах о лекциях Шевырёва. Одна из них основана на случайном стечении фактов. С февраля по апрель 1861 г. Шевырёв прочел для русской колонии во Флоренции целый курс от древней книжности до Ивана Тургенева. А в марте следующего, 1862 г. во Флоренции вышла книга «История русской словесности» [Shevyrev, Rubini, 1862]¹, написанная Шевырёвым на итальянском языке в соавторстве с Иосифом Павловичем Рубини (Giuseppe Rubini; 1793–1864), его близким другом, 35 лет служившим лектором итальянского языка в Московском университете. Поэтому из статьи в статью сообщается, что в книге изданы лекции, прочитанные во Флоренции, причем добавляются подробности, основанные не на фактах, а на воображении. Например, Н.В. Цветкова отмечает: «...монография Шевырёва на итальянском языке, вышедшая во Флоренции и до сих пор не переведенная на русский. Она написана накануне его приезда в Париж на основе лекций, прочитанных во Флоренции в 1861 г.» [Цветкова, 2016, ч. 2, с. 74]. В книге 11 глав. Отсюда некоторые исследователи заключают, что и лекций было 11 (на самом деле – 15).

Участие Рубини в работе над книгой обычно признается незначительным; как правило, утверждается, что он автор перевода книги на итальянский. Так, В.Л. Коровин пишет о «вышедшей на итальянском языке в 1862 г. “Истории русской литературы” (формально – в соавторстве с Дж. Рубини, которому в действительности принадлежал только перевод)»; правда, далее в своей статье он говорит об этом уже не столь категорично: «...скорее всего, его (Рубини. – А. Д.) участие ограничивалось переводом текста Шевырёва на итальянский язык» [Коровин, 2024, с. 9, 14]. Эмилия Маньянини, например, в первых строках своей статьи уверенно сообщает, что книга вышла «в переводе Антонио Рубини» [Маньянини, 2009, с. 363] – видимо, по оплошности присваивая своему соотечественнику Джузеппе другое имя.

Вместе с тем Шевырёв всегда настаивал, что книга, написанная для итальянской публики, – его совместный с Рубини труд. Например, в письме к князю Вяземскому от 31 (19) декабря

¹ Впервые о выходе книги в свет сообщается в письме Шевырева к сыну Борису из Парижа от 28 (16) марта 1862 г.: «Книга моя на итал-ьянском языке вышла во Флоренции» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 336 об.). См. о ней: [Colucci, 1992].

1861 г.: «Рубини гостит теперь у меня во Флоренции. Мы с ним печатаем теперь Историю Русской Словесности на итальянском языке. Надеюсь, что Вы будете ею довольны. Она говорит о всем славном нашего отечества, что близко так Вашему любящему и чистому сердцу. Мы надеемся, что наша История покажет Италии то, чем мы имеем право всегда гордиться – нашу мыслящую Россию» (ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 6. Ед. хр. 49. Л. 1 об.) – тут характерно определение «наша» (История). Когда книга наконец вышла в марте 1862 г., Шевырёв распорядился весь доход от ее продажи отдать другу, поскольку его семья находилась в бедственном состоянии. В том же письме он сообщал Вяземскому: «Теперь он живет в Милане, с больною женою и двумя дочерьми, получая в год 600 р. сер. пенсии» (там же. Л. 1). Итальянист А.П. Лободанов, в отличие от других исследователей, отмечает, что Шевырёв «еще в Москве продиктовал Джузеппе Рубини» «*Storia della letteratura russa*», а во Флоренции «в ноябре 1861 г. он начинает заниматься подготовкой к печати своей книги» [Лободанов, 2013, с. 80].

Более точные и детальные сведения об этом, и прежде всего об участии Рубини в создании книги, находим в летних письмах Шевырёва из его подмосковного имения Щекино за 1859 г., адресованных старшему сыну. 18 июня он сообщает: «В прошлую субботу мы переселились сюда – и живем здесь как в пустоши, удаленные от всего мира <...> Рубини с нами. Он тебе кланяется. Я диктую ему на итальянском языке Историю Русской Словесности, которая здесь подвигается быстро вперед. Она будет издана в Италии. Он повезет рукопись с собой» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 94, 94 об.). Отсюда видно, что Шевырёв изначально создавал книгу на итальянском, которым владел отменно. Диктовал же он Рубини, по-видимому, ради того чтобы друг как носитель языка помог в ходе работы поправить в случае необходимости шероховатости стиля. Кроме того, допустимо предположить, что Рубини мог подсказать Шевырёву некоторые параллели из итальянской литературы к явлениям русской словесности (их довольно много в книге). О компетентности же Рубини как писателя и историка можно судить по его семи книгам, среди которых выделяются «*Antologia italiana poetica del secolo decimonono*» (Москва, 1843–1844), включающая биографии 26 итальянских поэтов, и «*Storia di Russia*» (Torino, 1858), не говоря уже о том, что с 1827 по 1851 г. Рубини занимал кафедру итальянского языка и литературы в Московском университете. Его биограф, известный пушкинист и библиограф Б.Л. Модзалевский, прямо пишет о книге «*Storia della letteratura*

rusa» – «составленная вместе с С.П. Шевырёвым» [Модзалевский, 1918, с. 386].

19 июня 1859 г. Шевырёв сообщал сыну: «История Русской Словесности на итал<ьянском> языке близится к концу – и нетерпение Рубини ехать в Италию уменьшается» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 96 об.), а в письме от 20 июня уже строит планы на будущее – о переиздании первых частей «Истории русской словесности» на родном языке: «Докончив Истор<ию> Рус<ской> Лит<ературы> на итал<ьянском> языке, примусь за вторую часть и за Введение к первой. Авось Бог даст – всё это летом кончу и буду продолжать четвертую» (там же. Л. 98 об. – 99). Рубини, планировавший отправиться в Милан в конце июня, задержался в России, о чем можно судить по фразе Шевырёва из письма от 24 августа: «Добрый Рубини приехал к нам из Москвы» (там же. Л. 114). Но вскоре, по всей видимости, он убыл на родину, забрав с собой рукопись. В следующий раз его имя фигурирует в письме Шевырёва из Милана от 2 ноября (21 октября) 1860 г., где описывается встреча с ним после разлуки (там же. Л. 194), а в письме от 13 (1) декабря из Флоренции Шевырёв сообщает сыну: «История Русск<ой> Слов<есности> на итал<ьянском> языке тоже будет издаваться – с именами моим и Рубини» (там же. Л. 209). Вот эту фразу можно интерпретировать как оглашение только что принятого решения, и если это так, то поначалу книгу, возможно, предполагалось напечатать под именем одного Шевырёва.

Не исключено, что Рубини, приехав в Италию, в течение года дорабатывал текст. Некоторые дополнения внес и Шевырёв, не случайно предисловие к книге датировано: «Флоренция, 12 февраля 1862 г.» [Shevyrev, Rubini, 1862, р. XI]. Текст заключительных глав книги, как установил К.В. Ратников¹, содержит упоминания фактов, произошедших намного позже лета 1859 г. Например, в фразе «Недавно опубликована в новой газете Аксакова “День” повесть» речь идет о произведении Кохановской (Н.С. Соханской) «Кирила Петров и Настасья Дмитривна», печатавшемся с 15 октября по 9 декабря 1861 г.; о Д.А. Милютине, ставшем министром 9 ноября 1861 г., сказано: «Ныне военный министр»; упомянут диспут М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым («Они публично поспорили»), состоявшийся 19 марта 1860 г. [Shevyrev, Rubini, 1862, р. 278–279, 293, 303].

¹ Приносим благодарность К.В. Ратникову за дружескую помощь и консультации.

Шевырёв, оказавшись в Италии, никак не мог ускорить ее публикацию из-за недостатка средств. Лекции же, прочитанные во Флоренции, имели иное содержание, их было не 11, а 15. Шевырёв их поначалу не планировал – он договаривался об устройстве лекций в Париже, где обычно жило гораздо больше русских семейств, и флорентинский курс, на который его уговорили друзья, стал для него репетицией парижского, прочитанного в 1862 г. и состоявшегося из 18 лекций (три последние были добавлены на ходу по просьбе слушателей). Об их содержании можно судить по изданной спустя 20 лет неоконченной рукописи, насчитывавшей, правда, только 10 лекций [Шевырёв, 1884], тексты которых Шевырёв успел подготовить. Читая курс, он импровизировал, имея перед глазами только план или краткий конспект лекции. А потом, в последующие два года, записывал их и частично надиктовывал дочери и сыну, преодолевая мучительную боль. Дочь писателя Екатерина Степановна вспоминала о последних месяцах жизни отца: «В это время он продолжал диктовку своего курса и начал лекции о Карамзине и Жуковском и говорит: “Как их кончу, примусь за Пушкина! Какая славная лекция будет у меня о нем; теперь она вся в голове и еще немножко обдумаю, и она будет готова”. Но 25 января он слег и уже более не вставал...» (РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. № 68. Л. 12; цит. по: [Рамазанова, 2009, с. 89]). Необработанные заготовки к лекциям – 370 листов! – отложились в Отделе рукописей РНБ (Ф. 850. № 39).

Лекции-беседы Шевырёва, эмоциональные, глубокие по идее и изысканные в словесном отношении, имели немалый успех, особенно у великосветских дам, которые нередко со слезами на глазах подбегали к нему и делились своими восторгам. Графиня Софья Александровна Бобринская (урожд. Самойлова; 1797–1866; ее муж приходился старшим братом обидчику Шевырёва) после лекции о Ломоносове, расчувствовавшись, написала Шевырёву стихотворное приветствие (см.: РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 238; письмо от 12 марта (28 февраля) 1861 г.).

На первую лекцию во Флоренции, состоявшуюся 16 (4) февраля, приобрел билет находившийся там в это время Н.А. Добролюбов, главный критик журнала, в котором регулярно печатались статьи с издевательскими нападками на Шевырёва. В тот же день в письме к сыну писатель сообщал: «Приятно мне было встретить между слушателями сотрудника “Современника” Добролюбова, который после лекции подошел ко мне и сказал: “Степан Петрович, в первый раз случилось мне в жизни выслушать лекцию мос-

ковского профессора и понять, как эти лекции выше наших петербургских»» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 231).

Из более позднего письма, от 28 (16) марта 1862 г., узнаём, что на парижские лекции к Шевырёву ходил польский историк-русофоб Леонард Ходзько (1800–1871), сподвижник и друг Адама Мицкевича (там же. Л. 334). Любопытно, что об И.С. Тургеневе, посещавшем в Париже лекции-беседы Шевырёва, последний в своих письмах не упоминает. Тургенев же сообщал приятелю В.П. Боткину 10 марта (16 февраля) 1862 г.: «Здесь Шевырёв (который между прочим собирается читать лекции о русской литературе)» [Тургенев, 1988, т. 5, с. 25], а 26 (14) марта уже ёрнически делился впечатлениями с тем же корреспондентом: «Я присутствовал на одной лекции Шевырёва. Было человек 40. Этакой скуки и вообразить нельзя... Поваяло самой преисподней Сивцева Вражка и Малой Конюшенной!.. Какие звуки вылетали из его беззубого рта! Это ужасно – а придется еще сходить. Он говорил о духовной старинной литературе – и такую пропасть митрополитов вытащил на свет божий, что можно было задохнуться от вони их козлиных бород» [Тургенев, 1988, т. 5, с. 35–36]. Здесь привлекает внимание оговорка «а придется еще сходить», как будто Тургенева кто-то заставлял это делать, – несомненно, и он был захвачен содержанием лекций.

Шевырёв был введен на субботние вечера Кабинета Вьёсё, подписчиками которого были Стендаль, Теккерей, Достоевский, Герцен и другие знаменитые гости Флоренции, и попал в узкий круг итальянских интеллектуалов, где ему были рады; сыну он писал 28 (16) января 1861 г.: «Флорентинцы любят меня. По субботам у Вьёсё, здешнего ветерана, я бываю предметом всеобщего внимания. Многие, слыша обо мне, ищут моего знакомства» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 223 об.). В это время, с 1859 г., здесь, в «итальянских Афинах», как раз обосновались ведущие писатели и филологи Рисорджименто Никколо Томмазо (1802–1874) и Франческо Даль’Онгаро (1808–1873). Шевырёв сообщал сыну 16 (4) февраля 1861 г.: «Весь отрывок о Пушкине я читал одному из первых писателей современной Италии, живущему здесь, Томмазо; чтение длилось 1½ часа. Он остался очень доволен и содержанием, и слогом. Отрывки, касающиеся нашей драматической поэзии, я читал здешнему профессору, читающему теперь курс этой поэзии, Dall’Ongaro, который меня много благодарил за то» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 232). Шевырёв познакомил их с еще не опубликованной

итальянской книгой и уже тогда договаривался с издателем о переводе ее на французский.

По выходе книги в свет Шевырёв был удостоен личной аудиенции Наполеона III. П.А. Плетневу он написал об этом в двух словах 12 июня (31 мая) 1862 г.: «Наполеон III был очень благосклонен к моей книге: История Русской Словесности на итал<ьянском> языке, и дал мне аудиенцию, в которой я вручил ему экземпляр» (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 718. Л. 80). Сыну о том же событии сообщал по горячим следам – в письме от 26 (14) мая – и пространнее: «В воскресенье, 25/13 мая, Император Наполеон III принял меня очень благосклонно, на общей аудиенции, выслушал мое приветствие, благодарил меня за чувства, ему выраженные, взял мою книгу, сказав, что он много об ней слышал, спросил: долго ли я останусь в Париже? – и узнав о моем намерении насчет воспитания сына, спросил: сколько ему лет? – Нельзя быть любезнее и учтивее» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 359–359 об.).

Шевырёву была объявлена и Высочайшая благодарность от Александра II – чему посодействовал М.П. Погодин своим ходатайством перед министром народного просвещения А.В. Головным. 27 (15) февраля 1863 г. Шевырёв сообщал сыну Борису: «Получил письмо от М.П. Погодина. <...> Пишет ко мне, что был в Петербурге и обедал у Головнина, который говорил ему, что намерен представить итальянскую мою книгу Государю» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 228). Однако 4 марта (20 февраля) 1863 г. Шевырёв разочарованно констатировал: «Я надеялся, что министр Головин выхлопочет мне что-нибудь за мою книгу, но вчера получил одну сухую благодарность – и только!» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 429 об.).

От лекций с разбором современной литературы, прочитанных во Флоренции, а затем в Париже, сохранился лишь краткий план-конспект (РНБ. Ф. 850. № 39. Л. 365–366 об.), который тем не менее дает некоторое представление о содержании сказанного Шевырёвым. Сличение этого конспекта с главой, посвященной писателям-современникам в итальянской книге, показывает, что автор развивал те же положения, только порой заострял их, высказывался более жестко.

Начинает он свой обзор, как Тацит: «Трудно говорить о современниках. Беспристрастность в этом случае становится добро-

детелью. Мы не хотим ни льстить настоящему времени, ни бичевать его» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 258]¹.

Сначала Шевырёв обращается к поэтам. Приведем наиболее интересные характеристики, главным образом – литераторов первого ряда.

«Афанасий Фет – ученик немецких поэтов и особенно лирика Гейне. Он гораздо талантливее, когда выбирает русские сюжеты, взятые из мира природы или народных обычаев. Тогда он становится изящным и туманным. Но когда, влекомый материализмом немецкого поэта, он воспекает свои страсти, ограниченные чувствами, он впадает в скучное однообразие» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 263]. Такая оценка характерна для славянофилов, видевших в утонченном психологизме «тлетворное» влияние западной литературы, паразитирующей, по их мнению, на эгоистических инстинктах человека.

Не щадит Шевырёв своих приятелей-единомышленников. Он пишет: «Иван Аксаков, суровый лирик <...> Его лирические стихи вдохновлены самыми прекрасными и благородными стремлениями духа, но в них слишком много строгости к ближнему, слишком много раздражения, пагубного для истинного поэтического вдохновения. Поэт слишком часто забывает, что Сенека и Катон никогда не могли бы быть поэтами» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 264].

Некрасов, по его мнению, – «поэт, сочетающий самые прекрасные поэтические порывы с самыми презренными вещами в мире <...> всё, что породила столица Севера, мерзкое и грязное, прилипло к поэту, как чесотка. Его муза, подобно Янусу, имеет два лица: одно изящное, другое прокаженное. Этот поэт порой становится не более чем версификатором...» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 264–265].

По поводу драматургии Островского Шевырёв писал о социальном и человеческом измерении искусства: «...склонность к иноземным обычаям, лишенным здравого смысла, <...> сбивают русского купца с пути и превращают его порой в нелепую смесь варварской грубости с внешними формами непонятной ему цивилизации. Этот порок купеческого сословия был проницательно

¹ Здесь и далее используем перевод с итальянского, выполненный Е.М. Орловой, доцентом кафедры философии, истории, теории культуры и искусства Московского государственного института музыки им. А.Г. Шнитке, и нами отредактированный.

подмечен комедиографом и раскрыт в его комедиях. Скажем только, что комедия Островского слишком ограничена этим классом купцов и даже мелких служащих. Автор забывает, что человек как человек гораздо интереснее той социальной формы, которую он носит, и что она порой заставляет его идти назад, а не вперед по пути цивилизации» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 268–269].

Далее Шевырёв переходит к прозаикам. Высоко ставит С.Т. Аксакова: «Самые оригинальные характеры кажутся изображенными кистью Веласкеса. Видны градации перехода от варварства и грубости к благородству и изяществу обычаев. Никто из современных русских писателей не превзошел Аксакова в описании природы. Очарование стиля завораживает читателя» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 270–271].

Отдает должное Тургеневу, которого, впрочем, недолюбливает: «Во главе современных писателей стоит Иван Тургенев. Он учился искусству повествования у французских романистов и, можно сказать, в совершенстве овладел этим искусством. “Записки охотника” вызвали недоброжелательность к нему прежнего правительства и снискали благосклонность публики. <...> В его характере преобладает некоторое недовольство, иногда переходящее в желчь. <...> Но в последнем своем произведении, “Дворянском гнезде”, опубликованном в 1859 году, он изображает прошлую жизнь трех поколений с настоящей включительно и, кажется, принимает более степенный и эпический характер, чем в своих ранних произведениях» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 271–272]. Интересно, что в письме к сыну от 9 февраля 1859 г. он дает восторженный отзыв о романе сразу по его прочтении: «В повести Тургенева “Дворянское гнездо” замечен большой поворот к русской жизни и к религиозному направлению» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 50–50 об.).

Теплее относится Шевырёв к Григоровичу: «Дмитрий Григорович – один из самых глубоких писателей. <...> Автор полон сочувствия к русскому народу и крепостным, страдающим от господ. <...> Сами помещики не пользуются благосклонностью автора, который изображает их по большей части сатирически и язвительно» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 272]. Тем не менее Шевырёв честно оценивает художественные достоинства прозы Григоровича: «В повествовательном искусстве он во многом уступает вышеупомянутому Ивану Тургеневу» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 272].

Интересны суждения об И.А. Гончарове – они довольно строги. О «Фрегате “Паллада”»: «Гончаров опубликовал описание своего путешествия в живом, простом и ясном стиле, но без боль-

шой глубины в своих наблюдениях. Теперь он опубликовал в журнале роман “Обломов”, в сюжете которого подражает Гоголю. Его темой служит Тентетников¹, нелюдимый герой праздной жизни. Праздность русских в глубинке и лень, охватывающая жизнь прудовой тиной, составляют материал этого романа, который не лишен интереса, но и не свободен от скуки и однообразия, пропитывающего сюжет» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 273]. В конспекте соответствующей лекции Шевырёва встречаем запись, куда более сурово характеризующую роман: «Обломов (клевета на деревню), мотив Руси. – Русская лень» (РНБ. Ф. 850. № 39. Л. 365).

А.Ф. Писемского и А.А. Потехина Шевырёв оценивает так: «На момент написания этой книги два романиста были заняты изображением жизни в российской глубинке: Алексей Писемский – писатель отнюдь не провинциальный. Он хороший наблюдатель и был бы еще лучше, если бы не был желчным и не смотрел на все через черные очки. Второй, Алексей Потехин, – более располагающий, потому что большой почитатель русского *мужика*, который предстает героем в его произведениях. Многословие – недостаток этих двух писателей» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 273].

Ни слова не сказал Шевырёв о Достоевском и совсем немного о Л. Толстом: «Граф Лев Николаевич Толстой отличается изяществом повествовательного стиля, живостью и плодovitостью как прозаик» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 273].

И, наконец, в суждениях о Салтыкове-Щедрине, которого Шевырёв называет лидером нового «криминального» жанра (уже в то время получившего общепотребительное определение «обличительной литературы»), он выступает как типичный представитель славянофильской критики – с требованием «положительного направления литературы» [Иванцов-Платонов, 1859, с. 3]. Шевырёв возмущен «Губернскими очерками»: «Это произведение читается как материалы уголовного процесса над всей властью. Писатель любит проникать в глубины тюрем и изображать самые мерзкие и отвратительные сюжеты.

Но литература не помойка, а литератор не полицейский и не сборщик мусора. Салтыков не лишен художественного таланта, он доказывает это особенно зримо, когда изображает крестьянские

¹ *Тентетников* – центральный персонаж второго тома «Мертвых душ» Гоголя. Шевырев, как и некоторые его современники, увидевший в нем прообраз Обломова, нащупал тему, плодотворно разрабатываемую и в наши дни, – см., например: [Гуськов, 2011; Беляева, 2024].

сцены. Он тонко чувствует прекрасную природу и описывает ее с любовью и оригинальностью» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 274].

Завершает Шевырёв свой обзор обращением к женской прозе – творчеству Кохановской (Н.С. Соханской), Марко Вовчок, Н.Д. Хвощинской и др. Он заключает: «...женский анализ никогда не ведет в бездну отчаяния и всегда излучает свет, который ложится на душу, уставшую от жизненных обманов. Следует также отметить, что русская женщина не позволила увлечь себя тем эгоизмом, что был привит образованному обществу Петровской реформой» [Shevyrev, Rubini, 1862, p. 275–276].

Как видим, суждения Шевырёва о писателях-современниках нередко отличаются резкими оценками идейного содержания их произведений в сочетании с тонкими характеристиками их эстетических достоинств. При этом проницательные оценки, подчас обгонявшие его время, соседствуют с мнениями, не подтвердившимися в исторической перспективе.

Первая полная публикация перевода итальянской книги Шевырёва в 7-м томе его «Полного собрания литературно-критических трудов» (здесь текст перевода дан в литературной редакции К.В. Ратникова) позволит глубже узнать Шевырёва как литературного критика и одного из первопроходцев в деле просвещения европейцев духовными сокровищами русской литературы.

И вместе с тем остается пожалеть, что Шевырёву не удалось подготовить целиком свои парижские лекции. Когда он продумал этот свой курс, который планировал прочесть перед русской колонией во Франции, он одновременно извещал князя П.А. Вяземского и П.А. Плетнева (в письмах из Флоренции от 31 (19) декабря 1861 г.). Первому сообщал: «Собираюсь в Париж, чтобы там прочесть соотчикам курс истории Русской Словесности. В прошедшем году я читал его здесь. Мысль служить нашему просвещению не оставляет меня. Русское слово всегда со мною» (ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 6. № 49. Л. 1 об. – 2). Плетневу написал подробнее: «Моя поездка в Париж отсрочивается на месяц. Благодарю Вас за Ваше напутствие моему намерению прочесть там курс. Он мог бы мне дать средства продлить там мое пребывание, если бы мои соотечественники захотели быть ко мне внимательны. У меня готов для них курс, в котором провожу я мысль новую. Прочитав его там, я хотел бы записать его и напечатать» (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. № 718. Л. 75 об. – 76). Здесь важно заявление о проведении в парижских лекциях «мысли новой» (видимо, по сравнению с идейным контентом флорентийской книги), – концепции, о которой мы можем

только догадываться, сопоставляя дошедший до нас черновой конспект лекций-бесед (РНБ. Ф. 850. № 39) с их печатными вариантами [Shevyurev, Rubini, 1862; Шевырёв, 1884].

Судьба улыбнулась Шевырёву в последние заграничные годы. Он мог забыть об обидах и остракизме, устроенном ему на родине его литературными врагами. Он воодушевился, планировал остаться в Париже на три года, а может, и навсегда, устроить здесь кафедру русской и всемирной словесности, истории и географии для русских. Но спустя год с небольшим затосковал. В одном из последних писем к сыну, от 11 мая (29 апреля) 1864 г., он жалуется: «Париж мне надоел как горькая редька; опротивел как ремень, и сплю и вижу сначала Царское Село и твои покои, а потом домик с садиком у Рождества в Палашах» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 527).

Степан Петрович сильно болел, и хотя в литературе отмечается, что он читал лекции и в 1863-м, и в 1864 г., – на деле этого не было: в 1863 г. он периодически занимался с русскими учениками-подростками, а весь 1864 год был прикован к постели. Последнее письмо к сыну, от 15 (3) мая (за 5 дней до кончины), сам не мог написать – продиктовал жене. Упомянув нестерпимые боли в ноге, пытался шутить: «Ногою я все еще не владею. Из провололочной клетки она на днях поступит в накрахмаленные бинты и на этой квартире останется две недели. Пока идет гной из раны, я на ногу ступить не могу и не должен» (РНБ. Ф. 850. № 98. Л. 531 об.). Но при этом заботился об устройстве своей московской жизни, сообщая сыну: «Н.П. Шипов пишет ко мне, что Бакунины предлагают свою даровую квартиру, за которую они уже деньги заплатили до сентября. Чего же лучше? Побывай у Бакуниных, благодари их от нас и устрой это дело. В доме Шиповых на Лубянке ты можешь узнать, где квартируют Бакунины» (там же. Л. 530).

Писатель скончался в Париже 20 (8) мая 1864 г.

Список литературы

1. *Алексеева Е.Д.* С.П. Шевырёв в общественной жизни дореформенной России : дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2006. – 287 с.
2. *Беляева И.А.* Русские отражения истории о Белакве: Тентетников, Обломов, Лаврецкий // Два века русской классики. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 82–111.
3. *Гуськов С.Н.* Гончаров и Гоголь : об одном парадоксе в истории текста «Обломова» // Обломов : константы и переменные : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. – С. 124–132.

**Лекции-беседы С.П. Шевырёва в русских колониях Флоренции
и Парижа о писателях-современниках (по архивным материалам)**

4. [Иванцов-Платонов А.М., свящ.] О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе. Статья первая // Русская беседа. – 1859. – Кн. 1, отд. 3. – С. 1–46.
5. Коровин В.Л. С.П. Шевырёв – историк древней и новой русской литературы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2024. – № 5. – С. 9–19.
6. Лободанов А.П. Очерки из истории отечественной итальянистики. – Москва : БОС, 2013. – 352 с.
7. Маньянини Э. Италия Степана Шевырёва // Образы Италии в русской словесности XVIII–XIX вв. / под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. – Томск : Изд-во Томского университета, 2009. – С. 363–372.
8. Маркович В.М. Уроки Шевырёва // Шевырёв С.П. Об отечественной словесности. – Москва : Высшая школа, 2004. – С. 8–56. – (Классика литературной науки).
9. Мартынов В.А. Эпизод из жизни «русской идеи». С.П. Шевырёв. – Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2011. – 331 с.
10. [Модзалевский Б.Л.]. Рубини Иосиф Павлович / Г.Б. // Русский биографический словарь. – Петроград : издание Русского исторического общества, 1918. – Т. [17]: Романова – Рясковский. – С. 385–386.
11. Песков А.М. У истоков философствования в России : русская идея С.П. Шевырёва // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 7. – С. 123–139.
12. Петров Ф.А. С.П. Шевырёв – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. – Москва : Альтекс, 1999. – [1], 57 с.
13. Погодин М.П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве. – Санкт-Петербург : печатня В. Головина, 1869. – 60 с.
14. Рамазанова Г.Г. Некоторые штрихи к портрету С.П. Шевырёва (новые документальные свидетельства о нем) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 34 (172), вып. 36. – С. 86–90.
15. Ратников К.В. Степан Петрович Шевырёв и русские литераторы XIX века : [в 2 ч.]. – Челябинск : Околица, 2003–2007. – [Ч. 1]. – 180 с. ; ч. 2. – 219 с.
16. Ратников К.В. Роль С.П. Шевырёва в развитии русской науки, литературы и журналистики. – Челябинск : [б. и.], 2008. – 384 с.
17. Ратников К.В. Степан Петрович Шевырёв в культурном процессе XIX века. – Санкт-Петербург : Росток, 2024. – 576 с.
18. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Наука, 1987–1988. – Т. 3. – 704 с. ; т. 5. – 642 с.
19. Цветкова Н.В. С.П. Шевырёв – критик, историк, теоретик литературы (1830-е годы). – Псков : Псковский ГПУ, 2008. – 203 с.
20. Цветкова Н.В. Книга С.П. Шевырёва «Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году» (СПб., 1884) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2015) : в 2 ч. Ч. 2. Литературоведение. Лингвистика : сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : СПбГУПТД, 2016. – С. 73–80; Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016) : в 2 ч. Ч. 2. Литературоведение. Лингвистика : сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : СПбГУПТД, 2017. – С. 66–73.

21. *Шевырёв С.П.* История русской словесности, преимущественно древней. Ч. 1–4. – Москва : Университетская типография, 1846–1860.
22. *Шевырёв С.П.* Путевые впечатления С.П. Шевырёва от Москвы до Флоренции (1860) // Русский архив. – 1878. – № 5. – С. 69–87.
23. *Шевырёв С.П.* Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году С.П. Шевырёвым / [предисл. Я.К. Грота]. – Санкт-Петербург : типография Академии наук, 1884. – [2], IV, 280, 29 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; т. 33, № 5).
24. *Шевырёв С.П.* Полн. собр. литературно-критических трудов : в 7 т. Т. 1–6 / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – Санкт-Петербург : Росток, 2019–2024. – Изд. продолжается.
25. *Шевырёв С.П.* Стихотворения. Драматические произведения. Переводы. Поэма / вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. С.В. Березкиной. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома : Вита Нова, 2022. – 640 с. – (Новая Библиотека поэта).
26. *Colucci M.* Una storia fiorentina della letteratura russa // Studi di filologia e letteratura italiana in onore di Maria Picchio Simonelli / a cura di P. Frassica. – Alessandria : Edizioni dell’Orso, 1992. – P. 63–74.
27. [*Shevyrev S.P., Rubini G.*] Storia della letteratura russa per Stefano Sceviref e Giuseppe Rubini. – Firenze : Felice Le Monnier, 1862. – [4], XII, 346 p.